

Эйдзи Ёсикава

ДЕСЯТЬ
МЕЧЕНОСЦЕВ

Санкт-Петербург

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44
Ë 83

吉川 英治
宮本 武蔵

Перевод с японского Юрия Фролова
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Владимира Гусакова

Иллюстрации
Мусаси Миямото, Утагавы Куниёси,
Цукиоки Еситоси и других

ISBN 978-5-389-31358-3

© Перевод. ООО Издательский дом «Центрполиграф», 2010
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

КНИГА ПЕРВАЯ

ЗЕМЛЯ

КОЛОКОЛЬЧИК

Кругом были трупы. Тысячи трупов.

«Мир сошел с ума, — смутно промелькнуло в голове Такэдзо. — Человек — это опавший лист, гонимый осенним ветром».

Жизнь в нем едва теплилась, он сам был похож на труп. Он попытался поднять голову, но не смог оторвать ее от земли. Никогда еще он не чувствовал себя таким слабым.

«Сколько же времени прошло?» — подумал Такэдзо.

Лицо облепили мухи. Он хотел их отогнать, но не смог даже шевельнуть рукой. Она словно окаменела, как и все тело.

«Наверное, я давно здесь», — подумал он, пробуя согнуть пальцы. Он еще не осознал, что ранен и две пули засели у него в бедре.

Небо заволокли низкие черные тучи. Прошлой ночью проливной дождь обрушился на долину Сэкигахара. Был полдень пятнадцатого дня девятого месяца 1600 года. Хотя тайфун уже прошел, дождь то прекращался, то вдруг с новой силой обрушивался на убитых и на лежащего Такэдзо. Такэдзо открывал рот, как рыба, пытаясь поймать капли дождя.

«Так смачивают водой губы умирающего», — думал он, наслаждаясь каждой каплей влаги. Голова у него гудела, мысли мешались, как в бреду.

Они потерпели поражение. Это он знал. Кобаякава Хидэаки, их союзник, тайно перешел на сторону Восточной армии, и когда он напал на рассвете на войска Исиды Мицунари, исход битвы был предрешен. Затем Кобаякава атаковал войска других полководцев — Укиты, Симадзу и Кониси — и завершил разгром Западной армии. К полудню вопрос о том, кто будет править страной, был решен. Править будет Токугава Иэясу, могущественный дaimyō из Эдо.

Внутреннему взору Такэдзо явились образы сестры, земляков из родной деревни.

«Я умираю, — без сожаления подумал он. — Как просто это бывает».

Смерть манила покоем, как огонь усталого путника.

Вдруг лежавший неподалеку покойник пошевелился.

— Такэдзо...

Видения разом исчезли. Словно пробудившись ото сна, Такэдзо обернулся. Это был голос его лучшего друга, Такэдзо не сомневался. Он приподнялся из последних сил и едва слышным из-за шума дождя голосом позвал: «Матахати, это ты?» — и бесильно упал.

— Такэдзо! Ты жив?

— Жив, — с неожиданной для себя бравадой отозвался Такэдзо. — А ты? Смотри, тебе нельзя умирать. Не смей!

Глаза Такэдзо широко раскрылись, на губах заиграла улыбка.

— Никогда!

Хватая ртом воздух, опираясь на локти и волоча ноги, которых не чувствовал, Матахати потихоньку пополз к другу. Он хотел сжать руку Такэдзо, но лишь зацепился мизинцем за его мизинец. В детстве они много раз скрепляли свои обещания этим жестом. Матахати придвинулся ближе и сжал руку Такэдзо.

— Невероятно, что и ты уцелел. Видимо, в живых остались одни мы.

— Не радуйся слишком рано. Я еще не пробовал подняться.

— Я помогу тебе. Надо выбираться отсюда.

Неожиданно Такэдзо прижал Матахати к земле и прохрипел:

— Притворись мертвым. Что-то здесь неладно.

Земля загудела, как барабан. Такэдзо и Матахати не отрываясь смотрели в ту сторону, откуда надвигался грохочущий вал. Гул быстро приближался, и вот уже стали видны всадники в черных латах, скакавшие во весь опор.

— Ублюдки, они возвращаются! — воскликнул Матахати и дернулся, словно собиравшись вскочить. Такэдзо с силой схватил Матахати за лодыжку и заставил друга припасть к земле. Лошади неслись мимо, мелькали сотни покрытых грязью копыт, каждое из которых могло оказаться смертельным. Конная лавина катилась по телам убитых самураев. Ряд за рядом проносились всадники, оглашая воздух боевым кличем, бряцая оружием и латами.

Матахати лежал, уткнувшись лицом в землю и закрыв глаза, уже не надеясь, что останется цел. Такэдзо не мигая смотрел вверх. Всадники проносились так близко, что Такэдзо и Матахати явно различали запах конского пота. Затем все стихло.

Их чудом не задели и не обнаружили. Некоторое время оба лежали, не веря своему везению.

— И снова уцелели! — воскликнул Такэдзо, протягивая руку Матахати. Не поднимая головы, Матахати медленно повернулся, широко, но не совсем уверенно улыбнулся.

— Нам, верно, кто-то помогает, — хрипло сказал он.

Держась друг за друга, они поднялись и поковыляли через поле в сторону леса у подножия гор. Они брели медленно, обнявшись за плечи. Дойдя до леса, упали обессиленные, но, отдохнув, занялись поисками пищи. Они провели два дня в мокрых расщелинах горы Ибуки, питаясь дикими каштанами и кореньями. Чувство голода заглушать удавалось, но у Такэдзо разболелся живот, а Матахати все время тошнило. Сколько бы Матахати ни ел и ни пил, он постоянно ощущал голод, но все же и к нему понемногу возвращались силы.

Буря ознаменовала окончание осеннего тайфуна, и через две ночи холодная белая луна бесстрастно светила с безоблачного неба.

Такэдзо и Матахати понимали, насколько опасно продвигаться при полной луне, которая четко высвечивала их силуэты. Их легко могли обнаружить патрули противника, охотившиеся за уцелевшими врагами. Такэдзо решил рискнуть. Матахати был еще слаб, поэтому предпочитал попасть в плен. Выбирать не приходилось. Нужно было трогаться в путь, но сначала следовало где-нибудь отлежаться и отдохнуть. Они медленно двигались в том направлении, где, по их расчетам, находился городок Таруи.

— Потерпи еще немного, — повторял Такэдзо, поддерживая друга, почти волоча его на спине. — Как ты? Не хочешь передохнуть?

Такэдзо тревожило прерывистое дыхание Матахати.

— Я в порядке!

Матахати пытался говорить бодро, но его лицо было бледнее, чем луна на небе. Опираясь на копьё, как на посох, он с трудом переставлял ноги и беспрестанно извинялся.

— Прости меня, Такэдзо! Из-за меня мы еле ползем. Мне так стыдно!

Поначалу Такэдзо попросту не обращал внимания на эти слова и отделялся коротким «ничего». Но в конце концов, когда они остановились передохнуть, он не выдержал.

— Пойми, это я должен просить извинения. Я втянул тебя в эту историю, помнишь? Разве не я поделился с тобой своими планами совершить нечто необычайное, что поразило бы моего отца? Для меня было невыносимо сознавать, что до конца дней он так и не поверил, что из меня выйдет толк. И я собирался доказать ему обратное.

Отец Такэдзо, Мунисай, в свое время служил у князя Симмэна, властителя провинции Ига. Когда Такэдзо услышал, что Исидда Мицунари набирает войско, он сразу решил, что час пробил. Отец Такэдзо был настоящим самураем. Справедливо, если он, Такэдзо, станет великим воином. Он томился от нетерпения броситься в схватку, доказать свою доблесть, отрубить голову вражескому полководцу, чтобы слава о нем, Такэдзо, донеслась до родных мест. Он страстно желал доказать, что с ним стоит считаться и уважать, а не держать за деревенского шалопая.

Такэдзо напомнил Матахати об этом, и тот кивнул:

— Я все помню. Мы вместе страстно этого желали.

Такэдзо продолжал:

— Я хотел, чтобы ты отправился со мной, ведь мы всегда были заодно. Но помнишь, как повела себя твоя мать? Она рыдала и говорила, что я тронулся и вообще ни на что не гожусь. А твоя невеста Оцу, моя сестра, а все остальные? Они плакали, повторяя, что деревенские ребята не должны покидать родных мест. Может быть, они и правы. Мы с тобой — единственные сыновья в своих семьях, и, если нас убьют, кто будет продолжателем рода? Но разве в этом дело? Разве так можно жить?

Они убежали из деревни, и теперь не оставалось преград между ними и военной славой. Они пришли в лагерь Симмэна, и война предстала перед ними в подлинном обличье. Им откровенно заявили, что самураями их не сделают ни завтра, ни через месяц службы, невзирая на заслуги их отцов. В глазах Исиды и других военачальников Такэдзо и Матахати были простыми деревенскими парнями, почти мальчишками, которые раздобыли себе копья. Самое большое, на что они могли рассчитывать, — это служить простыми пешими солдатами. Их служба — если это можно было назвать службой — заключалась в том, чтобы носить оружие дру-

гих воинов, таскать котлы для варки риса и прочую посуду, косить траву, ремонтировать дороги и иногда ходить в разведку.

— Хороши самураи! — с горечью говорил Такэдзо. — Ничего смешнее не слышал. Отрубить голову полководцу! Я не то что к полководцу, к простому самураю не смог ни разу приблизиться. Наконец-то все это кончилось. Что же нам делать? Я не могу бросить тебя одного. Как я посмотрю в глаза твоей матери и Отцу?

— Такэдзо, я тебя ни в чем не виню. В нашем поражении виноват двуличный Кобаякава. Вот кого мне хотелось бы заполучить в свои руки. Убил бы негодяя!

Часа через два друзья стояли на краю небольшой лощины, росший там тростник был повален и поломан бурей. Вокруг ни дома, ни огонька, но лежало множество трупов. Голова одного воина откатилась в высокую траву, другой упал в маленький ручеек, третий запутался в сбруе убитого коня. Дождь смыл кровь, и в лунном свете мертвая плоть блестела, как рыба чешуя. Стрелкотанье цикад звучало зауспокойной молитвой.

Слеза скатилась по щеке Матахати. Он обреченно вздохнул:

— Такэдзо, если я умру, ты позаботишься об Отце?

— Что ты болтаешь?

— Кажется, я умираю.

— Если кажется, то и вправду умрешь, — отрезал Такэдзо. Матахати, конечно, очень слаб, но неужели он не может поддержать друга хотя бы морально? — Возьми себя в руки, Матахати, не будь нытиком.

— Мать-то найдет на кого опереться, но Отцу совсем одна. Она всегда была одинокой. Так жаль ее. Обещай, что позаботишься о ней, когда я умру.

— Перестань хныкать. От расстройства желудка еще никто не умирал. Рано или поздно мы набредем на какой-нибудь дом, и тогда я уложу тебя в постель, дам лекарство. А теперь прекрати причитать.

Чуть дальше они наткнулись на место, заваленное таким множеством трупов, словно уложили целую армию. Они уже равнодушно смотрели на них, привыкнув к крови. Холодным взором окинув поле боя, они остановились отдохнуть.

Пока они переводили дыхание, какое-то движение среди трупов привлекло их внимание. Они инстинктивно пригнулись и стали напряженно всматриваться в темноту. Что-то мелькнуло впереди,

словно пробежал испуганный кролик. Присмотревшись, они увидели, что кто-то сидит согнувшись, пытаясь спрятаться. Решив, что это какой-то одинокий самурай, друзья приготовились к схватке с ним, но, к их удивлению, оказалось, что это девочка, одетая в кимоно. На вид ей было лет четырнадцать. Широкий пояс-оби из золотой парчи, стягивавший ее талию, местами был залатан. Какое странное зрелище она являла собой здесь, на поле битвы! Девочка с подозрением и по-кошачьи зорко наблюдала за ними.

Такэдзо и Матахати не могли взять в толк, что делала девочка в глухую ночь среди трупов и витающих между ними привидений.

Некоторое время они молча смотрели на нее. Потом Такэдзо спросил:

— Ты кто?

Она вскочила и бросилась бежать.

— Стой! — крикнул Такэдзо. — Я только хочу спросить. Не уходи!

Девочка исчезла, как вспышка молнии. Во тьме тонко звякнул колокольчик.

— Может, привидение? — задумчиво произнес Такэдзо, тупо вглядываясь в ночной туман.

Дрожащий Матахати делано засмеялся.

— Если они и бродят здесь, то это души убитых воинов.

— Жаль, что я ее спугнул, — сказал Такэдзо. — Неподалеку должна быть деревня. Девчонка показала бы дорогу.

Они двинулись дальше и поднялись на ближайший холм. По другую сторону холма, к югу от горы Фува, тянулось болото. Впереди, примерно в полукилометре, виднелся огонек.

Спустившись, друзья увидели, что это не простой деревенский дом. Строение было окружено толстой глиняной стеной, внушительными и грозными хотели казаться ворота, вернее остатки от них, поскольку они были очень старые и требовали починки.

Такэдзо подошел к двери и негромко постучал.

— Есть кто дома?

Не получив ответа, он постучал снова.

— Простите за беспокойство в такой час, но мой друг болен. Мы вам не помешаем. Другу нужен отдых.

За дверью послышался шепот, затем шаги.

— Вы воины, уцелевшие после битвы при Сэкигахаре? — спросил детский голос.

— Да, — ответил Такэдзо. — Мы из войска Симмэна, князя Иги.

— Немедленно уходите! Если вас здесь найдут, нам несдобровать.

— Послушайте, нам бы не хотелось вас беспокоить, но мы долго идем. Нам бы немного отдохнуть.

— Пожалуйста, уходите!

— Хорошо, уйдем, если вы настаиваете. Не найдется у вас желудочного лекарства? Другу так плохо, что мы не можем идти дальше.

— Я не знаю...

Послышались удаляющиеся шаги и позвякивание колокольчика.

Вдруг они увидели женское лицо в створке сёдзи. За ними все это время наблюдали.

— Акэми, — раздался женский голос, —пусти их! Это пешие воины. Патрули Токугавы не станут терять на них время, для них это не добыча.

Акэми открыла дверь, и женщина — ее звали Око — выслушала историю друзей. Договорились, что они будут спать в амбаре. Матахати дали пережженную магнолию, растертую в порошок, и легкий рисовый отвар с зеленым луком. После этого Матахати проспал несколько дней подряд как убитый. Такэдзо сидел на страже и лечил свои раны, промывая их саке.

Прошла неделя. Такэдзо и Матахати сидели в амбаре и болтали.

— Странно как-то они живут, — заметил Такэдзо.

— Меня меньше всего беспокоит, чем они занимаются. Спасибо им за то, что нас приняли.

Такэдзо разбирало любопытство.

— Мать совсем не старая, — продолжал он. — Непонятно, почему они живут в горах одни.

— Тебе не кажется, что девочка похожа на Оцу? — спросил Матахати.

— Что-то есть, но они не похожи. Просто обе хорошенькие. Чем, по-твоему, она занималась той ночью на поле среди трупов? Кажется, она их ничуть не боялась. Она у меня до сих пор перед глазами. Лицо совершенно безмятежное, как у кукол, которых делают в Киото. Жутковатая картина.

Матахати знаком приказал ему замолчать.

— Ш-ш-ш! Слышу ее колокольчик.

Акэми легко, как дятел, постучала к ним в амбар.

— Матахати, Такэдзо! — тихонько позвала она.

— Да?

— Это я!

Такэдзо впустил Акэми, принесшую поднос с лекарством и едой. Она осведомилась о здоровье гостей.

— Гораздо лучше, благодаря тебе и твоей матери.

— Она сказала, что, если вам получше, вам все равно не следует громко разговаривать и выходить из амбара.

Такэдзо ответил за двоих:

— Мы очень сожалеем, что доставляем вам столько хлопот.

— Все в порядке, но вы должны вести себя осторожно. До сих пор не поймали Исиду Мицунари и некоторых других военачальников. Здесь и мышь не проскочит, на дорогах полно людей Токугавы.

— Правда?

— Мать говорит, что, если вас найдут, нас арестуют, хотя вы простые пешие солдаты.

— Больше не издадим ни звука, — пообещал Такэдзо. — Когда Матахати будет слишком громко храпеть, я заткну ему рот одеялом.

Акэми улыбнулась.

— Спокойной ночи, до завтра!

— Подожди! — остановил ее Матахати. — Почему бы тебе не поболтать с нами?

— Я не могу.

— Почему?

— Мать рассердится.

— Почему ты ее так боишься? Тебе сколько лет?

— Шестнадцать.

— Ты выглядишь моложе.

— Спасибо за любезность.

— А где отец?

— У меня его больше нет.

— Прости. Тогда как же вы живете?

— Мы делаем моксу.

— Зелье, которым прижигают рану?

— Да. Здешняя мокса знаменита. Весной мы срезаем свежие побеги на склонах горы Ибуки, летом сушим их, осенью и зимой готовим моксу. Продаем в Таруи. Люди отовсюду приезжают, чтобы ее купить.

— Тогда вам не так уж нужны мужские руки.

— Если вы обо всем расспросили, то я пойду.

— Одну минуту, — сказал Такэдзо. — Я хочу спросить еще об одном.

— О чем?

— В ту ночь, когда мы пришли к вам, нам встретилась на поле битвы девочка, которая в точности походила на тебя. Это была ты?

Акэми повернулась и открыла дверь.

— Что ты там делала?

Акэми захлопнула дверь. Неровный звон ее колокольчика быстро затих.

ГРЕБЕНЬ

Такэдзо был гораздо выше среднего роста для мужчины его времени. Мускулистый, гибкий, худощавый — словно хороший боевой конь. Губы у него были полные и яркие, а густые черные брови взлет придавали его облику какое-то особое мужество. Односельчане прозвали его «ребенком тучного года» — так обычно называли детей, которые по облику разительно отличались от остальных. Беззлое прозвище тем не менее осложняло его отношения со сверстниками, и поэтому доставляло ему немало огорчений в детские годы.

Матахати никогда не имел подобного прозвища, хотя вполне его заслуживал. Коренастый, пониже Такэдзо, круглолицый, с широкой грудью, он производил впечатление весельчака и временами даже шута. Когда он говорил, его слегка выпученные глаза постоянно находились в движении, поэтому шутники, прохаживавшиеся на его счет, обычно сравнивали его с лягушками, которые так громко квакали летними ночами.

В описываемое время друзья были в самом расцвете юности, и поэтому выздоровление шло быстро. Раны Такэдзо зажили полностью, а Матахати едва выносил добровольное заточение. Он нервно ходил по амбару, не переставая жаловался на судьбу. Он

говорил, что чувствует себя сверчком, посаженным в темную мокрую щель. Такэдзо отвечал, что для лягушек и сверчков это естественные условия существования. Через некоторое время Матахати начал заглядывать в хозяйский дом, и в один прекрасный день он сообщил другу потрясающую новость.

— Каждый вечер, — многозначительно прошептал он, — вдова прихорашивается и белит лицо.

Такэдзо стал похож на двенадцатилетнего мальчика, которому открылась измена друга, начавшего проявлять интерес к ненавистным девчонкам. Матахати, без сомнения, заслуживал презрения за проявленный интерес к женскому полу.

Матахати начал похаживать в дом и проводить вечера у очага вместе с Акэми и ее матерью. Через несколько дней веселый гость, умеющий непринужденно болтать, стал как бы членом семьи. Вскоре он перестал возвращаться в амбар даже на ночь, а в те редкие моменты, когда заглядывал, от него пахло sake. Он уговаривал Такэдзо присоединиться к нему и расхваливал на все лады приятную жизнь, которая текла всего в нескольких шагах от них.

— Ты с ума сошел! — с ноткой отчаяния отвечал Такэдзо. — Все кончится тем, что нас или убьют, или заберут. Мы скрываемся после поражения — ты можешь понять, глупая твоя голова? Мы должны быть начеку и не высовываться, пока все не утихнет.

Ему скоро надоело убеждать своего жизнелюбивого друга, и он стал говорить с ним кратко и резко.

— Я не люблю sake, — повторял он, — и мне нравится в амбаре. Здесь уютно.

Одиночество все же допекло и Такэдзо. Ему наскучило сидеть одному, и он начал потихоньку сдаваться.

— Вообще-то, здесь как, безопасно? — спрашивал он. — Я имею в виду округу. Патрулей не видно? Ты уверен?

После двадцатидневного сидения в амбаре он наконец вышел на волю, словно изнуренный пленник. Его полупрозрачная воскового цвета кожа резко контрастировала со здоровой физиономией загорелого и красного от sake друга. Такэдзо посмотрел на чистое голубое небо, с наслаждением потянулся и широко зевнул. Брови его оставались озабоченно сдвинутыми, и тревожное выражение глаз не исчезло.

— Матахати, — сказал он, — мы обременяем посторонних людей. Они многим рискуют, укрывая нас. Нам лучше отправиться восвояси.

— Ты прав, — ответил Матахати, — но через заставы без проверки никого не пропускают. По словам вдовы, дороги на Исэ и Киото перерезаны. Она считает, что нам надо дождаться снега. Это же говорит и девочка. Она уверена, что нам пока следует скрываться здесь, а уж она-то каждый день ходит по окрестностям.

— Когда ты говоришь «скрываться», то подразумеваешь питье саке у очага?

— Именно так. Ты знаешь, что я сделал? Недавно здесь появились люди Токугавы, которые шныряют в поисках Укиты, — он еще не пойман. Я провел этих ублюдков — вышел к ним и поздоровался.

Такэдзо вылупил глаза от изумления, а Матахати закатился хохотом. Насмеявшись, он продолжал:

— Куда безопаснее ходить открыто, нежели хорониться в амбаре, прислушиваясь к шагам снаружи, и потихоньку сходить с ума. Уразумел?

Матахати снова захохотал, а Такэдзо пожал плечами.

— Может, ты и прав. Вероятно, так и надо держаться.

Такэдзо сомневался в правильности решения, но тем не менее перебрался в дом. Око явно нравилось, что у них в доме гости, точнее мужчины, и она делала все, чтобы они чувствовали себя непринужденно. Временами она ставила их в неловкое положение, предлагая то одному, то другому жениться на Акэми. Чаще она обращалась к Матахати, так как Такэдзо или совсем игнорировал предложение, или отшучивался.

Пришло время крепких, ароматных грибов мацутаке, которых появилось великое множество у подножия сосен. Такэдзо часто собирал их на склоне горы позади дома. Вместе с ним ходила и Акэми, таская корзину от сосны к сосне. Всякий раз, улавливая грибной запах, она по-девичьи звонко кричала:

— Такэдзо, сюда, здесь их уйма!

Находившийся неподалеку Такэдзо неизменно отвечал:

— И у меня их куча!

Сквозь сосновые кроны пробивались косые лучи осеннего солнца. Во влажной тени под деревьями лежал толстый темнотный ковер из опавшей хвои. Когда Такэдзо и Акэми садились отдыхать, та поддразнивала его, предлагая сравнить грибную добычу.

— У меня больше! — неизменно отвечал он, и Акэми начинала проверять его корзину.

Тот день ничем не отличался от других.

— Я так и знала, — засмеялась Акэми, по-детски не скрывая своего торжества. Она бесцеремонно склонилась над корзиной Такэдзо. — Набрал кучу поганок!

Акэми выбрасывала из корзины ядовитые грибы и делала это нарочито медленно, так что Такэдзо при всем желании не мог притвориться, будто ничего не замечает, хотя и прикрыл глаза. Она бросала каждый гриб как можно дальше. Закончив, она выпрямилась с довольным видом.

— А теперь посмотри, сколько у меня.

— Уже поздно, — пробормотал Такэдзо, — пошли домой!

— Ты сердисься, потому что проиграл.

Она заскользила вниз по склону, словно фазан, но вдруг замерла, тревожно нахмурившись. Им навстречу через рощу двигался огромный детина. Широкими шагами он шел к хрупкой маленькой девочке, пристально глядя на нее тяжелым взором. Вид у него был устрашающий. Все в нем говорило о том, что этот человек постоянно борется за выживание, что он воинственно и враждебно настроен ко всему на свете. И нависшие кустистые брови, и хищный изгиб верхней губы, и тяжелый меч, и кольчуга, и звериная шкура на плечах доказывали это.

— Акэми, — проревел он, подходя к ней ближе и обнажая в улыбке желтые гнилые зубы.

Лицо Акэми ничего не выражало, кроме ужаса.

— Твоя любезная мамочка дома? — с подчеркнутой издевкой спросил он.

— Да, — пискнула в ответ Акэми.

— Я хотел бы, если ты не возражаешь, кое-что передать ей. Согласна?

Великан говорил преувеличенно вежливо.

— Да.

Его голос зазвучал жестче.

— Скажи ей, что она мне ничего не оставляет и пытается нажиться за моей спиной. Скажи, что скоро приду за своей долей. Ясно?

Акэми не отвечала.

— Она, верно, думает, что я ничего не знаю. Но парень, которому она сбыла барахло, явился ко мне. Могу спорить, что и ты, малышка, не раз хаживала в Сэкигахару, не так ли?

— Нет, нет! — слабо возразила Акэми.

— Ладно! Но ты передай ей мои слова. Если она и дальше будет ловчить, я ее вышвырну отсюда!

Он еще раз взглянул на девочку и направился в сторону болота.

Такэдзо, оторвав взгляд от незнакомца, с тревогой посмотрел на Акэми.

— Кто это?

Губы Акэми дрожали.

— Его зовут Цудзикадзэ. Он из деревни Фува, — ответила она еле слышно.

— Он мародерством занимается?

— Да.

— Чем он так рассержен?

Акэми не отвечала.

— Я никому не скажу, — успокоил ее Такэдзо. — Не бойся!

Напуганная Акэми безуспешно искала слова. Вдруг она бросилась к Такэдзо и взмолилась:

— Обещай, что никому не скажешь!

— Кому я могу сказать? Самураям Токугавы?

— Ты помнишь, как вы ночью кого-то увидели в Сэкигахаре?

— Конечно.

— И до сих пор не поняли, что я там делала?

— Нет, как-то не думал об этом.

— Я воровала там.

Она пристально смотрела на него.

— Воровала?

— После битвы ходила на поле боя и забирала вещи убитых воинов: мечи, украшения с ножен, мешочки для благовоний — все, что можно продать.

Акэми снова взглянула на Такэдзо, ожидая осуждения, но его лицо оставалось бесстрастным.

— Мне было страшно, — вздохнула она и буднично добавила: — Нам нужны деньги на еду, и мать пришла бы в ярость, откажись я воровать.

Солнце стояло еще высоко. Акэми предложила Такэдзо немного отдохнуть. Сквозь сосновые ветви хорошо был виден дом внизу на болоте.

Такэдзо закивал головой, будто разговаривая сам с собой.

— Значит, вся эта история про собирание трав в горах для приготовления моксы выдуманна? — спросил он.

— Нет-нет, этим мы тоже занимаемся. У матери остались привычки к роскоши. Мы не смогли бы жить только продажей моксы. Пока отец не умер, у нас был самый большой дом в деревне, вернее, в семи деревнях Ибуки. Держали много слуг, и мать всегда носила дорогие вещи.

— Твой отец был купцом?

— О нет! Он был предводителем тамошних разбойников.

Глаза Акэми горели гордостью. Она уже не боялась Такэдзо и откровенно обо всем рассказывала. Ее лицо приняло решительное выражение, она сжимала кулачки, когда говорила.

— Этот Цудзикадзэ Тэмма, которого мы только что встретили, убрал его с дороги. Во всяком случае, все так думают.

— Твоего отца убили?

Молча кивнув, Акэми вдруг расплакалась, и Такэдзо почувствовал, как что-то дрогнуло у него в душе. Поначалу девушка ему не особенно нравилась. Выглядя гораздо младше своих шестнадцати лет, она обычно разговаривала как взрослая женщина, а ее порывистые движения иногда ставили собеседника в тупик. Но когда слезы закапали с ее длинных ресниц, сердце Такэдзо растаяло от жалости. Ему захотелось обнять и защитить ее.

Она не имела ничего общего с девочками из приличных семей. В ее представлении не было более достойного ремесла, чем то, которым занимался ее отец. Мать внушила ей, что нет ничего дурного в обирании убитых, причем не ради пропитания, а для безбедной жизни. Многие закоренелые воры отказались бы от такого промысла.

В период бесконечных феодальных междоусобиц многие деревенские лодыри сделали войну источником существования, и люди свыклись с этим. Когда начиналась война, местные военачальники стали прибегать к услугам подобных типов, щедро вознаграждая их за поджоги вражеских складов, распространение ложных слухов, угон лошадей из неприятельского лагеря. Чаще всего им платили за услуги, но, если такой работенки не случилось, война представляла достаточно других возможностей заработать. Можно было обшаривать трупы в поисках ценностей. Иногда попадалась отрубленная голова самурая, и можно было получить награду якобы за убитого собственными руками воина. Одно крупное сражение позволяло бессовестным грабителям безбедно жить чуть ли не год.

В смутное время обыкновенный крестьянин или дровосек мог научиться получать выгоду из кровопролития и людских страданий. Сражение на краю деревни мешало этим простодушным людям работать в поле, но они приспособивались к обстановке и наловчились жить, как стервятники, за счет убитых, снимая с тех атрибуты земного существования. Профессиональные мародеры строго охраняли свою территорию, чтобы исключить набеги со стороны. Ирония заключалась в том, что мелкий воришка жестоко наказывался, если посягал на территорию более крупного мародера. Те, кто решался нарушить права матерых грабителей, рисковали головой.

Акэми зябко повела плечами.

— Что нам делать? Я знаю, что подручные Тэммы уже идут сюда.

— Не волнуйся! — сказал Такэдзо. — Если они появятся, я сам с ними поговорю.

Когда Такэдзо и Акэми пришли к подножию горы, сумерки уже сгустились над болотом. Кругом была тишина. Дымок от бани змейкой струился над верхушками тростников. Око, закончив вечерний туалет, стояла у задней стены дома. Увидев дочь и Такэдзо, она закричала:

— Акэми, чем вы занимались там так долго?

Голос Око звучал строго. Это мигом отрезвило Акэми, которая до этого рассеянно брела к дому. Девушка нервно реагировала на настроение матери, и та поддерживала эту болезненность, вертела дочь, как куклой, заставляя повиноваться малейшему жесту или взгляду. Акэми тотчас оставила Такэдзо и, сильно покраснев, вбежала в дом.

На другой день Акэми рассказала матери о Цудзикадзэ Тэмме. Око пришла в ярость.

— Почему ты промолчала вчера? — визжала она и металась как безумная, рвала на себе волосы, вытаскивала из шкафов и сундуков вещи и сваливала их посреди комнаты.

— Матахати, Такэдзо! Помогите, нужно все спрятать!

Матахати сдвинул доску в потолок, которую ему указала Око, и, подтянувшись, пролез в щель. Между стропилами и потолком было очень узкое пространство, там едва можно было повернуться, но его размеры вполне устраивали Око, как, впрочем, и ее покойного мужа. Такэдзо, стоя на скамеечке между матерью и дочерью,

передавал вещи наверх Матахати. Если бы Такэдзо не услышал накануне историю Акэми, то его бы поразило разнообразие предметов, которые он сейчас увидел.

Такэдзо знал, что мать и дочь уже давно занимаются этим своеобразным ремеслом, но не ожидал, что они успели накопить столько добра. Здесь были кинжал, султан от копья, налокотник от лат, шлем с гербом, миниатюра, походный алтарь, буддийские четки, древко от знамени. Имелось даже лакированное седло, искусно инкрустированное золотом, серебром и перламутром.

В отверстии на потолке показалось озабоченное лицо Матахати.

— Все, что ли?

— Нет, еще кое-что есть, — ответила Око, убегая в соседнюю комнату. Она возвратилась, неся длинный меч из черного дуба. Такэдзо стал подавать меч Матахати, но тяжесть, изгиб, изумительная пропорциональность меча произвели на него такое впечатление, что он никак не мог выпустить его из рук.

Он робко взглянул на Око.

— Можно я возьму его себе? — спросил он, застенчиво отводя глаза. Он уставился себе под ноги, всем видом показывая, что не заслуживает такого подарка.

— Тебе он действительно нужен? — мягко переспросила Око. В ее голосе прозвучали материнские нотки.

— Да-да, очень!

Око больше не произнесла ни слова, но он понял по ее улыбке, что меч теперь принадлежит ему. Матахати спрыгнул сверху. Он с нежностью и нескрываемой завистью потрогал лезвие меча, вызвав смех Око.

— Мальчик надулся, потому что не получил подарка!

Око постаралась утешить Матахати, отдав ему красивый кожаный кошелек, украшенный агатами, но его это мало утешило. Он не спускал глаз с меча из черного дуба. Кошелек ничуть не утешил его обиды.

Когда муж Око был жив, она завела привычку каждый вечер сидеть в лохани с горячей водой, красить лицо и выпивать немного саке. Она уделяла внешности много времени, как дорогая гейша. Это была роскошь, непозволительная для простых людей, но Око не хотела расставаться со своими привычками и заставляла Акэми делать то же самое, хотя девушка находила это занятие

Ёсикава Э.

Ё 83 Десять меченосцев : роман / Эйдзи Ёсикава ; пер. с яп. Ю. Фролова. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 1088 с. + вкл. (16 с.). — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-31358-3

Эпический роман Эйдзи Ёсикавы открывает нам Японию семнадцатого века через судьбу знаменитого мечника Мусаси Миямото, знаковой фигуры японской культуры, чье имя обросло легендами еще при жизни. Образ благородного воина из феодального прошлого послужил основой множества книг, фильмов, сериалов и театральных постановок. И немалая часть этого множества вдохновлена именно романом «Десять меченосцев».

Мастерски переплетая реальные события и художественный вымысел, Ёсикава довольно строго придерживается исторической традиции даже в том, что касается авантюрно-романтической линии романа, благодаря чему возникает живой и многослойный портрет целой эпохи. В то же время это глубоко индивидуальная и психологически честная история взросления, история о поиске пути и стремлении к совершенству.

Мусаси Миямото — историческая личность, как и Такуан Сохо, и Сасаки Кодзиро, и многие другие герои этого произведения. Странствующий ронин, основатель школы кэндзюцу Нитэн Ити-рю — искусства боя на двух мечах, автор знаменитой «Книги Пяти колец», талантливый художник и каллиграф, Мусаси соединил в себе самые яркие и зачастую противоречивые черты человека своего времени. А время было очень непростым. Сёгуны Токугава только начинали объединение страны, остатки войск даймё, потерявших свои владения в результате битвы при Сэкигахаре, сбивались в банды, по всей стране бродили ронины — самураи без хозяина, затевая кровавые поединки...

УДК 821.521

ББК 84(5Япо)-44

ЭЙДЗИ ЁСИКАВА

ДЕСЯТЬ МЕЧЕНОСЦЕВ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Корректоры Полина Дроздовская, София Сумарокова,
Валентина Гончар

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 06.04.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 67,62 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШК – АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШК филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-TLN-40599-01-R